
Юрий Краюшкин
Тайна янтарного витража

Юрий Краюшкин

Тайна янтарного витража

«Автор»
2026

Краюшкин Ю.

Тайна янтарного витража / Ю. Краюшкин — «Автор», 2026

Когда твой отец продает тебя врагу, чтобы спасти свою шкуру, у тебя есть два пути: сломаться или показать клыки. Ариана выбрала второе.Она вошла в логово Теней как пленница. А стала той, кто заставил дрогнуть даже самого альфу. Кайрон привык подчинять, но волчица из Лунного Дома оказалась не просто трофеем. Она — единственная, кто смог выдержать его тьму.Но их связь — это не только страсть. Это зов крови. Опасный ритуал, который связал их навсегда. Теперь за ними охотятся.Старейшины Лунного Дома скрывают правду о древних чудовищах. Старейшины Теней жаждут власти. А в подземельях просыпается то, что не должно было проснуться.Чтобы спасти себя и своего ребенка, Ариана и Кайрон должны сделать невозможное — объединить враждующие кланы. Сжечь ложь дотла.Они пройдут через предательство, боль и кровь. Но их узы выдержат все. Потому что любовь — это звезда побольше, которая освещает даже самую темную ночь.

© Краюшкин Ю., 2026
© Автор, 2026

Юрий Краюшкин
Тайна янтарного витража

Глава 1. Заказ

Дождь начался ещё на Заводской, мелкий и цепкий, и к тому моменту, как Кира вышла из автобуса, превратился в сплошную серую сетку. Поздняя осень в Москве — время, когда город будто выключают из розетки: свет тускнеет, звуки глохнут, и люди ходят, втянув головы в плечи, словно извиняясь за то, что вообще на улице.

Кира остановилась у кованой ограды и подняла взгляд. Особняк стоял в глубине заросшего сада — двухэтажный, дореволюционный, с лепниной, осыпавшейся на углах, и длинными окнами, за которыми не горело ни одного света. Дом казался тёмным даже днём. Не пустым — именно тёмным, как человек, который закрыл глаза и не хочет, чтобы его разглядывали.

«Ничего, — подумала она. — Я тоже не люблю, когда на меня смотрят».

Звонок у ворот прозвучал один раз — Марк открыл раньше, чем она успела убрать палец с кнопки. Будто ждал за дверью всё это время.

— Кира Андреевна? — голос у него был ровный, без приветственной улыбки. Лицо — ещё меньше: высокие скулы, глубокая тень под глазами, взгляд, который фиксировал, а не смотрел. Он оценивал её, как оценивают груз: можно ли доверить.

— Просто Кира, — сказала она и протянула руку.

Он пожал её коротко, крепко. Ладонь сухая, холодная. И тут же отвернулся, пропуская её внутрь, — жест одновременно вежливый и отстранённый, будто она не гость, а документ, который нужно принять и убрать в папку.

Прихожая пахла пылью, воском и чем-то ещё — старым деревом, которое долго не трогали руками. Под ногами скрипнул паркет, и звук унёсся по коридору, как по скрипучей лестнице, — дом был длинный, и эхо жил в нём глубже, чем люди.

— Позвольте вопрос, — сказала Кира, снимая перчатки. — Обычно реставратору показывают объект сразу. Вы неделю переписывались со мной, уточняли, работаю ли одна, есть ли у меня помощники, прихожу ли я по адресу из договора. Это больше похоже на найм охранника, чем на мастерскую.

Марк шёл впереди, не оборачиваясь.

— Потому что и есть найм, — ответил он. — С оговоркой: объект не должен увидеть никто, кроме вас. Пока работа не завершена. Ни фотограф, ни подмастерье, ни ваш поставщик стекла. Работа одна, в изоляции, в срок.

— Срок какой?

— Месяц. Желательно меньше.

— Желательно, — повторила она с лёгкой усмешкой. — Это слово реставраторы не любят. Скажите лучше: сколько витраж должен быть в идеале.

Он остановился у высокой двери в конце коридора, и только тогда посмотрел на неё снова. При свете узкого окна его глаза оказались светло-серыми, почти прозрачными — и в них было что-то тяжёлое, как у человека, который слишком долго нёс что-то на спине и уже не помнит, как это — не нести.

— Дядя умер тридцать один день назад, — сказал он ровно, словно зачитывал строку из протокола. — Официально — несчастный случай. Он упал с лестницы в этой же комнате, где стоит витраж. Полиция закрыла дело. Город говорит другое: проклятие коллекции. Он всю жизнь собирал редкости, и все, кто к ним прикасался, рано или поздно… заканчивались плохо.

Кира подняла бровь.

— Вы сами в это верите?

— Нет, — ответил Марк. — Но я верю в то, что кто-то в это верит достаточно сильно, чтобы дома, где хранилась коллекция, не стоят пустыми. Поэтому мне нужно, чтобы витраж был восстановлен быстро, до зимы, и чтобы никто не знал, что он вообще существует. Именно поэтому я ищу реставратора без имени. Вас нет в каталогах, вы не публикуетесь, о вас знают три человека. Это хорошо.

— Для вас, — заметила она. — Для меня — как будто меня прячут.

— Иногда прятать — значит защищать.

Он открыл дверь.

Кира вошла — и на мгновение забыла, зачем пришла.

Гостиная была огромной, во всю ширину дома. Стены — в панелях тёмного дуба, потолок — с потемневшей лепниной, пол — застелен грубым брезентом, чтобы не страдал паркет. Всё это она отметила потом, автоматически, как фон. Фоном было всё, кроме окна.

Точнее — того, что стояло посреди комнаты на двух козлах, задрапированных в чёрную ткань, как накрытое тело.

Марк подошёл первым и взял ткань за угол.

— Готовы? — спросил он, и в его голосе впервые прозвучало что-то живое. Не тепло. Скорее — напряжённость человека, который сейчас откроет то, что открывать боится.

— Я реставратор, — сказала Кира. — Я готова к чему угодно. Кроме, пожалуй, скуки.

Он отдёрнул ткань.

И Кира поняла, что впервые в жизни видит настоящий янтарный витраж.

Панель высотой в полтора метра — десятки, сотни кусочков янтаря, вмонтированных в свинцовые прожилки, как драгоценные осколки, пойманные в ловушку. Оттенки перетекали от молочно-белого, почти опалового, к густому медовому и тёмному, коньячному, с прожилками внутри — как будто внутри каждого кусочка застыл поток смолы, побежавший миллион лет назад по стволу дерева. Комната наполнялась странным светом: даже в сумраке янтарь как будто тлел изнутри, тёплый, старинный, живой.

— Господи, — выдохнула Кира. Она осторожно присела, приблизила лицо к стеклу. — Это балтийский янтарь. Разных эпох. Здесь минимум три партии — смотрите, вот эти кусочки старше, в них больше помутнения, а эти просвечивают по-другому. Кто-то собирал их годами. Десятилетиями.

— Ими собирались очень долго, — сказал Марк тихо. — Дядя говорил, что это семейное. Что витраж передавали. Я не знал, что он его сюда перевёз.

Кира достала лупу и начала вести ею по поверхности, вдоль свинцовых прожилок. Она видела трещины — три старых, давно заполненных, и одну свежую, которая бежала по диагонали, расколотя два кусочка. Видела копоть в углах, следы замытой реставрации в начале прошлого века. Видела всё то, что должна была видеть.

И ещё она видела то, чего видеть не должна была.

В третьем сверху ряду, в кусочке янтаря размером с ноготь большого пальца, под поверхностью — внутри смолы — была выцарапана тонкая линия. Настолько тонкая, что её нельзя было заметить снаружи: она проступала только на просвет, когда свет падал строго сзади, сквозь толщу камня. Кира чуть повернула голову, ловя угол.

Линия была не одна. Их было много — густая россыпь коротких штрихов, как резьба, как письмо. Или как шифр.

Она выпрямилась слишком резко, и колено ударило о козлы. Марк был тут же — не заметить его она не успела: он оказался рядом так быстро, будто ждал её реакции.

— Что вы увидели? — спросил он. Голос был спокойный. Слишком спокойный.

Кира смотрела на него снизу вверх. Внутри у неё холодело, но голос она держала ровным — так же ровно, как держал он.

— Я вижу работу реставратора начала двадцатого века, — ответила она. — Очень хорошую работу. Хотите полный отчёт — присылайте договор с разбивкой по этапам.

— Что вы увидели, — повторил он. Это уже не был вопрос.

Пауза затянулась. Дождь стучал по окнам. Янтарный витраж тлел между ними тёплым, терпеливым светом, как свеча, которая горит уже сотню лет и привыкла ждать.

— Тонкие линии внутри янтаря, — сказала наконец Кира. — Не трещины. Не природные включения. Они слишком прямые. Кто-то выцарапал их с изнанки, до сборки панели, а может — прямо в сырой смоле. Это письмо. Или метки. Я не знаю. Но это не украшение.

Марк закрыл глаза. На одно длинное мгновение его лицо стало старше — лет на десять, и Кира вдруг увидела в нём не заказчика, а человека, который очень устал.

— Знаете, — сказал он, — я надеялся, что ошибётесь. Что вы просто хороший мастер и вы быстро закончите, я заплачу, и мы забудем, что этот дом существует. — Он открыл глаза. — Раз вы это видите — значит, вы правы. Это не витраж. Это письмо. И оно адресовано не мне.

Кира медленно выпрямилась. Её сердце стучало не от страха — от того особого голода, который она знала с детства: голод до тайны. Мать говорила, что это её проклятие — соваться туда, куда никто не просит. Отец просто называл это любопытством и говорил, что однажды оно доиграется.

— Значит, — сказала она, — адресовано тому, кто умеет его прочитать.

— Значит, — повторил Марк за ней, будто пробуя слова на вкус, — я позвал того, кто умеет.

Он снова накрыл витраж чёрной тканью — бережно, как накрывают спящего. И когда темнота снова легла на гостиную, Кира поймала себя на странной мысли: ей не захотелось уходить. Наоборот — захотелось вернуться. Ещё до подписания договора, ещё до первого платежа.

Дом молчал. Дождь шёл по стеклу. А где-то наверху, на втором этаже, тихо скрипнула половица — ровно один раз, как будто кто-то, кто давно не ходил по этому дому, всё-таки услышал, что внизу теперь есть кто-то новый.

Кира подняла голову. Марк — нет. Он не поднял. Но по тому, как замерла его рука на выключателе, она поняла: он услышал тоже.

Глава 2. Свет под углом

Кира пришла на следующий день раньше, чем договаривались. Не потому что хотела произвести впечатление — просто ей не спалось. Дом на окраине будто прилип к её мыслям: она то вспоминала тяжёлый взгляд Марка, то янтарный свет, который, казалось, жил своей жизнью, то тот скрип наверху — одинокий, как шаг человека, который давно не ходил по этим комнатам.

Марк уже был там. Стоял у окна в прихожей, смотрел на мокрый сад. Когда Кира вошла, он не обернулся сразу — будто давал себе секунду, чтобы вернуть привычную маску сдержанности.

— Вы рано, — сказал он ровно.

— А вы поздно, — улыбнулась Кира, но улыбка вышла не весёлой, а скорее нервной. — Или вообще не уходили?

Он чуть помедлил, потом всё-таки повернулся.

— Не уходил, — признался спокойно. — Дом… не любит пустоты.

Кира кивнула, будто это было самое нормальное объяснение на свете. Она сняла куртку, повесила её на старую вешалку, где дерево потемнело от времени, и почувствовала, как в воздухе снова повисает эта странная тишина — не пустая, а густая, будто дом слушал их.

Они пошли в гостиную. Чёрная ткань по-прежнему лежала на витраже, но теперь Кира смотрела на неё иначе. Не как на покрывало, а как на занавес, за которым прячется что-то, что она обязана увидеть.

— Я хочу начать с освещения, — сказала она, доставая из сумки переносную лампу с регулируемым углом. — Янтарь — это не просто стекло. Он не только отражает, он хранит свет. И если в нём есть гравировка, она проявится только при определённом угле падения.

Марк молча кивнул и включил основной свет. Лампы щёлкнули, загудели, и комната наполнилась тусклым, усталым светом, который ничего не мог сделать с тенями в углах.

Кира поставила лампу так, чтобы луч шёл почти параллельно поверхности витража — скользящий свет, который вытаскивает рельеф. Потом она медленно наклонила панель на козлах, чтобы поймать нужный угол.

И янтарь ожил.

Тёплые оттенки поплыли, как мёд по стеклу, и в одном из кусочков — в том самом, молочно-белом, размером с ноготь — снова проступили тонкие линии. Кира наклонилась ближе, почти касаясь лбом холодного камня.

— Вот, — прошептала она. — Это не случайность. Кто-то специально делал эти насечки. И делал их так, чтобы их можно было увидеть только вот так — под этим углом, при этом свете.

Марк подошёл, остановился за её плечом. Он не пытался заглянуть через неё, не тянулся вперёд — просто встал так, чтобы видеть то же, что и она. Это было неожиданно: он не командовал, не торопил, не пытался всё контролировать. Он просто стоял рядом.

— Что это? — спросил он тихо.

— Пока не знаю, — ответила Кира, не отрываясь от лупы. — Но это похоже на систему. Вот здесь — короткая черта, здесь — две, здесь — завиток. Как метки. Или как буквы, только очень экономные.

Она достала блокнот и начала аккуратно зарисовывать узор. Карандаш шуршал по бумаге, и этот звук был единственным, что нарушало тишину. Марк смотрел не на неё, а на витраж, будто боялся, что если моргнёт — линии исчезнут.

— Вы думаете, это шифр? — спросил он.

— Думаю, да. И ещё думаю, что он рассчитан на человека, который знает, где искать. Это не для всех. Это для кого-то конкретного.

Марк сжал губы, будто хотел что-то сказать, но не решался. Потом выдохнул:

— Дядя говорил, что витраж — это память семьи. Но я никогда не думал, что память может быть… опасной.

Кира подняла на него глаза. В них не было ни осуждения, ни любопытства — только понимание.

— Иногда память — это не про прошлое, — сказала она. — Иногда это про то, как прошлое до сих пор тянет за собой людей.

Он посмотрел на неё так, будто впервые увидел не реставратора, а живого человека — с усталостью, с вопросами, с тем же страхом перед чем-то большим, чем они оба.

— Простите, — вдруг сказал он. — Я вёл себя так, будто вы инструмент. Будто если я буду достаточно жёстким, всё останется под контролем.

Кира чуть улыбнулась — на этот раз искренне.

— Ничего. Я привыкла, что ко мне относятся как к инструменту. Но я не инструмент. Я человек, который видит линии в янтаре.

Он кивнул, принимая это как извинение и как объяснение одновременно.

Работа пошла. Кира начала составлять карту янтарных вставок: каждый кусочек она помечала номером, фотографировала под разными углами, записывала оттенок, прозрачность, наличие включений. Марк не мешал. Иногда он приносил ей чашку горячего чая, молча ставил на край стола и уходил к окну, будто ему нужно было держать дистанцию, чтобы не потерять контроль. Но каждый раз он возвращался.

К полудню дождь стих, и сквозь высокие окна пробился редкий луч солнца. Он упал на витраж наискось, и янтарь вспыхнул изнутри — не ярко, а мягко, как тлеющий уголь. И в этом свете линии стали ещё чётче.

Кира замерла.

— Подождите, — прошептала она. — Сейчас…

Она медленно повернула панель, ловя момент, когда свет пройдёт сквозь камень. И вдруг в одном из рядов линии сложились в нечто узнаваемое. Не слово — пока только символ. Что-то вроде буквы «М», но с дополнительными штрихами, как будто её пытались спрятать.

— Марк, — тихо сказала Кира, не поднимая головы. — Посмотрите сюда.

Он подошёл. Встал рядом, так близко, что она почувствовала его дыхание — спокойное, но чуть учащённое.

— Это… — начал он и замолчал.

— Похоже на «М», — сказала Кира. — Но не обычную. Это как подпись. Или как метка.

Марк смотрел на символ долго, будто пытался вспомнить что-то важное, что ускользало от него годами.

— У дяди был знак, — наконец произнёс он. — На всех важных бумагах. Он говорил, что это старый семейный символ. Никто не знал, что он значит.

Кира медленно подняла голову. Их взгляды встретились — и в этот момент между ними что-то сдвинулось. Не романтика, не вспышка, а что-то более глубокое: понимание, что они оба стоят перед чем-то, что больше их личных историй.

— Значит, витраж — это не просто шифр, — сказала Кира. — Это письмо. И оно адресовано тому, кто знает этот знак.

Марк кивнул. Его лицо снова стало жёстким, но в глазах осталась уязвимость — та самая, которую он так старательно прятал.

— И я боюсь, — тихо произнёс он, — что этот человек — я.

Кира не стала говорить пустых слов утешения. Вместо этого она протянула ему блокнот, где уже были зарисованы первые символы.

— Тогда мы будем читать его вместе, — сказала она просто. — Шаг за шагом. И если там есть что-то опасное — мы встретим это вдвоём.

Он взял блокнот. Пальцы чуть дрогнули, но он удержал его крепко.

— Спасибо, — сказал он, и это слово прозвучало так, будто он редко его произносил. — За то, что не убежали.

— Я не бегу от тайн, — ответила Кира. — Я бегу от скуки. А здесь скучно точно не будет.

В этот момент в коридоре снова скрипнула половица — чуть громче, чем вчера. Кира и Марк переглянулись. На этот раз в их взглядах не было страха — только готовность.

Дом молчал. Но теперь они знали: он больше не один. И они тоже.

Глава 3. Первая ночь

Флигель оказался двумястами метрами от основного дома — приземистым каменным строением с оранжереей на западной стороне. Когда-то там жили садовники, теперь всё говорило о редких визитах: пыль лежала ровным слоем на подоконниках, а на кухонной полке стояла одинокая банка с заваркой, купленная, судя по этикетке, лет десять назад.

— Здесь жила экономка дяди, — сказал Марк, открывая окна, чтобы проветрить комнаты. — До её отъезда. Потом никто.

— Сколько лет назад?

— Тринадцать. — Он провёл ладонью по карнизу, посмотрел на пальцы, стёр пыль о брюки. — Дом умеет ждать. Это одновременно лучшее и худшее, что в нём есть.

Кира развешивала своё рабочее оборудование: лампы, лупы, фотоштатив, коробки с инструментами. Увидев старую печь с изразцами — зелёными, с потёртой кобальтовой кай-

мой, — она невольно задержалась. На каждом изразце был оттиск: маленький кораблик под парусом.

— Красиво, — сказала она. — Здесь всё делалось на совесть. Даже там, где никто не увидит.

— На это стоит смотреть, — Марк остановился в дверях. — Вы заметили изразцы за три минуты. Дядя говорил про вас, что вы из тех людей, которые читают предметы. Я сначала не понял, что он имел в виду.

— А теперь?

— Теперь думаю, что он вас позвал не случайно.

Он ушёл — не попрощавшись, просто ушёл, и Кира поняла: это не грубость, а его способ существования. Он уходил, когда разговор приближался к чему-то живому. Как будто внутри у него была комната, которую он запирал на ключ, и он боялся, что кто-то однажды подойдёт к двери.

К вечеру флигель стал на вид обитаемым: раскрытая постель, кипятильник, сложенные на столе эскизы. Кира поужинала тем, что взяла с собой, — гречкой из контейнера и чаем из банки, которая, вопреки ожиданиям, оказалась свежей. Кто-то купил её недавно. Кто-то готовил этот флигель к её приезду — тщательно, заранее, молча.

Ночь пришла рано, по-октябрьски. Кира легла, погасила лампу и долго слушала, как дом дышит: остывая, стёкла трещали тихо, по-птичьи; ветер гонял по чердаку сухие листья; где-то капала вода — капля, ещё капля, в ритме, который почти совпадал с сердцебиением.

А потом — скрип.

Наверху основного дома. Не случайный, не от ветра: ритмичный. Шаг, шаг, пауза. Шаг, шаг, пауза. Кто-то ходил по второму этажу — неспешно, как человек, который ходит по привычке, по маршруту, который он проходил тысячи раз.

Кира села на кровати. Смотрела на потолок — единственное, что было между ней и тем домом, между ней и теми шагами. Часы на телефоне показывали 00:47.

Шаги шли уже минут двадцать.

Она не позвонила. Не потому что была храброй — потому что понимала: если она позвонит, произойдёт одно из двух. Либо Марк скажет «я хожу по дому, я не сплю», и это будет правдой, которую она не хотела слышать: человека, который тринадцать лет не может уснуть в доме, где умерла его семья. Либо он не ответит — и тогда шаги будет ходить кто-то ещё.

Она не позвонила, но и не легла. Она оделась, нашла фонарик и вышла.

Ночь была промозглой, пахла мокрой корой и прелью. Основной дом стоял тёмный — все окна, кроме одного. На втором этаже, в самом углу, горела маленькая жёлтая лампа — та, что обычно не горела. Кира шла по дорожке, вымощенной старым булыжником, и слушала: шаги стихли. Как будто их хозяин услышал её шаги.

Дверь была не заперта. В прихожей пахло воском — кто-то недавно зажигал свечи. Лестница наверх — дубовая, широкая, с резными балясинами, — поднималась во тьму.

— Я знаю, что вы там, — сказала Кира в темноту. Голос её не дрогнул. — Я не пришла вас ловить. Я пришла спросить: вам нужен тот кусочек янтаря, что я видела у вас на столе, или вам нужен я?

Тишина. Долгая, плотная. А потом — тихий, усталый звук, который можно было бы принять за вздох, если бы не его направление: сверху, слева, оттуда, где горела лампа.

Кира поднялась.

Комната в конце коридора была маленькой, детской: низкая кровать под вязаным пледом, ковёр с вытканными зайцами, полка с книгами, изданными лет сорок назад. И у окна — Марк. Он сидел на маленьком стуле, слишком маленьком для его роста, колени выше уровня сиденья, и смотрел на янтарный брелок, который вертел в пальцах.

— Как вы поняли, что это я? — спросил он, не оборачиваясь.

— Шаги идут от лестницы до окна и обратно. Тридцать два шага. Человек, который ходит так ровно, либо мёртв, либо хорошо знает этот маршрут. Призраки не наступают на половицу у окна — а вы наступали, я слышала. — Она вошла в комнату. — Это детская. Здесь жила ваша сестра?

— Здесь жил я, — сказал Марк. — Она спала рядом. В соседней. Но ночью нам разрешали быть вместе — мы боялись темноты по очереди. Сегодня её очередь была всегда. — Он повернулся. На его лице не было ничего похожего на те маски, которые он носил днём: только усталость и та страшная прозрачность, за которой просвечивает боль. — Я не могу спать, когда я в этом доме. Тринадцать лет. Каждый раз, когда я приезжаю, я хожу по коридору. От двери до окна. Пока не рассветёт.

Кира опустилась на ковёр — прямо на пол, рядом с его стулом. Она не знала, что делает: всё её тело говорило «не вторгайся», а что-то другое — то, что она называла инстинктом реставратора, — говорило: трещину нельзя замазывать, трещину нужно видеть целиком, прежде чем решать, как её держать.

— Расскажите про неё, — сказала она. — Не про то, как она погибла. Про то, какая она была.

Марк долго молчал. Брелок — кусочек янтаря на цепочке — качался у него в пальцах.

— Смешная была, — произнёс он наконец. Голос был ровный, но Кира слышала, чего это стоило. — Прятала от меня конфеты в вентиляции и потом честно говорила, где, потому что не выносила, что я расстроен. Всё хотела янтарь. Дядя не давал — маленькая ещё. Она однажды взяла кусочек со стола и спрятала в карман, и когда её нашли, она сказала: «Я не украла. Я его пока держу». С тех пор этот брелок со мной. Тринадцать лет я держу её янтарь и не могу его… — он не договорил. — Раскололся при падении. С лестницы. Как и она.

В комнате было очень тихо. Кира медленно, осторожно протянула руку — и накрыла его пальцы на брелоке. Не отняла, не обняла. Просто накрыла. Тепло её ладони легло на его холодные костяшки, и в этой простоте было больше, чем в тысяче слов утешения.

— Не раскололся, — сказала она тихо. — Расколотое можно собрать. Я по профессии знаю. Другое дело, если бы он рассыпался в пыль.

Марк смотрел на её руку на своей руке. Он не отнял. Его пальцы дрогнули под её ладонью — раз, другой, — и затихли, как затихает вода после того, как в неё бросили камень.

— Почему вы не позвонили? — спросил он.

— Потому что вы бы сказали мне, что всё в порядке, — ответила Кира. — А мне было важнее знать, что не в порядке, но с вами ничего не случится. Это разные знания.

Он усмехнулся — впервые за два дня, коротко, криво, но по-настоящему.

— Вы странный человек, Кира.

— Я реставратор. У нас профессия такая — влезать в чужие трещины.

Они просидели так до трёх ночи. Он рассказывал — медленно, с паузами, с теми внутренними усмешками, которые она уже начала различать. Про то, как они с сестрой сажали у флигеля рябину, и рябина выросла — её силуэт стоял сейчас за окном, чёрный на фоне ночи. Про то, как дядя после её смерти перестал говорить имя «Ада» — и как Марк думал все эти годы, что Ада умерла в том падении. И только сегодня, когда на витраже проявилось имя, он понял: что-то не сходится.

— Если витраж — письмо Аде, — медленно сказал Марк, — то кто-то писал его после того, как её не стало. Дяде было тогда пятнадцать. Он не мог выцарапать это сам.

— Значит, письмо писал кто-то ещё, — сказала Кира. — Тот, кто любил её так же сильно, как вы держите её брелок.

Когда стало светать, Марк встал — тяжело, как встаёт человек после долгого сидения на полу. Он проводил её до дверей флигеля. У порога остановился.

— Кира. — Он произнёс её имя так, как произносят его впервые. — То, что вы видели сегодня ночью…

— Этого не было, — сказала она. — Я спала. Вы спали. Шаги ходил призрак.

— Призрак, — повторил он, и уголок его рта дрогнул. — Хорошо. Пусть будет призрак.

Она уже собралась уходить, когда он вдруг добавил — быстро, будто слова могли передумать:

— Завтра я приготовлю завтрак. В основном доме. Стол у окна — тот самый. Если не хотите — не приходите.

— Хочу, — сказала Кира и, уже спускаясь с крыльца, обернулась. — Марк. Овсянку не сжигайте.

— Я не сжигаю, — ответил он с достоинством человека, который умел делать всё. — Я поддаю тепла.

И до самой ночи — до того, как шаги снова начнут свой путь от двери до окна, — Кира думала не о витраже. Она думала о том, что в доме, полном тайн, впервые нашлось что-то, что не пряталось. Что просто стояло у окна и держало янтарь тринадцать лет.

Глава 4. Даты и прядь

Утро началось с рябины. Кира проснулась от стука: тяжёлые, мокрые кисти били по стеклу, будто кто-то настойчиво просил впустить. Она встала, потянулась, посмотрела на часы — семь тридцать. Слишком рано для города, слишком поздно для реставратора, который привык начинать с первыми лучами. Но сегодня она не хотела света — она хотела успеть до того, как дом проснётся и снова натянет на себя эту свою тяжёлую маску приличия.

В основном доме пахло кофе и воском. Марк стоял у окна, спиной к комнате, и смотрел на сад так, будто пытался запомнить каждую ветку, каждый лист, каждую каплю воды. На столе — две чашки, тарелка с тостами, банка с мёдом. Овсянка не появилась, и Кира улыбнулась про себя: он, видимо, решил, что компромисс — это не про него.

— Доброе утро, — сказала она, снимая куртку. — Вы не сожгли овсянку. Это уже прогресс.

Марк обернулся, и на секунду в его лице мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Я решил, что кофе — это универсальный язык. А тосты — нейтральный фон.

— Принимаю, — кивнула Кира. — Нейтральный фон мне сейчас очень кстати.

Они пили кофе молча. Не в тишине, когда слова застревают в горле, а в той редкой тишине, которая бывает между людьми, которым больше не нужно доказывать, что они здесь не случайно.

Потом Кира пошла к витражу. Чёрная ткань лежала на козлах, как старое одеяло, которое не хочется снимать, потому что под ним прячется что-то слишком важное. Она сняла ткань, и янтарь тут же отозвался — не вспыхнул, а тихо засветился изнутри, будто был рад, что его снова видят.

Кира достала лампу, поставила её под нужным углом, наклонила панель. И линии снова проявились — тонкие, как паутина, но упрямые, как шрамы.

— Вчера я сделала карту вставок, — сказала Кира, доставая блокнот. — Теперь хочу попробовать прочитать даты. Они повторяются в нескольких кусочках. Все — из 1961 года.

Марк подошёл ближе. Он не тянулся через неё, не пытался всё взять под контроль — просто встал рядом, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел.

— 1961, — повторил он. — Это год, когда дед умер. Официально — от сердечного приступа. Неофициально… никто не говорил.

— А дядя? — спросила Кира.

— Ему тогда было пятнадцать. Он почти не говорил о том времени. Только однажды сказал: «В шестьдесят первом наш дом перестал быть домом».

Кира кивнула. Она водила лупой по янтарю, ловя штрихи. В одном кусочке дата была выцарапана почти открыто — 12.03.1961. В другом — 27.05.1961. В третьем — 04.08.1961. Все даты шли не подряд, а как будто были вырваны из разных календарей.

— Это не случайность, — прошептала она. — Кто-то специально выбирал эти дни.

Она достала фотоаппарат, сделала снимки под разными углами, потом начала переносить даты на бумагу. Марк смотрел через её плечо, не задавая вопросов, будто боялся спугнуть момент, когда тайна начнёт складываться в слова.

И вдруг в одном из кусочков, в самом маленьком, молочно-белом, Кира увидела не линии — а включение. Внутри янтаря, словно пойманное в ловушку время, лежало что-то тонкое, тёмное.

— Подождите, — сказала она. — Здесь…

Она наклонилась, поднесла лупу. И поняла: это прядь волос. Тонкая, выгоревшая, но всё ещё различимая. Запечатанная в смоле.

— Господи, — выдохнула она. — Это… это невозможно.

Марк замер. Его лицо стало белым, как бумага.

— Дайте, — тихо сказал он. — Дайте посмотреть.

Кира передала ему лупу. Он смотрел долго, не моргая. Потом медленно поднял глаза.

— Это её, — сказал он. — Это прядь Ады. Бабушка хранила её локон в шкатулке. Я видел. Когда она умерла, шкатулку отдали дяде. А потом… потом она пропала. Я думал, дядя её выбросил. Или потерял.

— Кто-то вмонтировал её в янтарь, — сказала Кира. — До того, как витраж собрали. Это не случайное включение. Это… послание.

Марк сжал кулаки. Его голос стал глухим, как будто слова пробивались через что-то тяжёлое:

— Значит, витраж — это не просто шифр. Это реликварий. Он хранит не только слова. Он хранит её.

Кира не знала, что сказать. Она хотела сказать «простите», но это звучало бы как пустая формальность. Хотела сказать «я помогу», но это было бы обещанием, которое она не могла сдержать. Вместо этого она просто положила руку на край панели — туда, где янтарь был тёплым от лампы.

— Мы будем читать это аккуратно, — сказала она. — Как будто разбираем шкатулку, в которой лежит чья-то жизнь.

Марк кивнул. Он всё ещё держал лупу, но теперь его пальцы расслабились.

— Да, — сказал он. — Аккуратно.

Они продолжили. Кира снимала даты, Марк записывал их в отдельный блокнот — не как улики, а как имена, которые нельзя забывать. В какой-то момент Кира заметила, что даты совпадают с записями в старом календаре, который лежал на полке. Она взяла его, начала листать.

— Смотрите, — сказала она. — 12 марта — это день, когда в городе была сильная метель. 27 мая — день открытия выставки в музее. 4 августа — день, когда закрыли библиотеку на ремонт. Это обычные даты. Но кто-то выбрал именно их.

— Может быть, это дни, когда что-то происходило, — тихо сказал Марк. — Дни, когда кто-то что-то делал. Или не делал. Дни, когда кто-то ждал.

Кира посмотрела на него. В его глазах было не отчаяние, а решимость — та самая, которая появляется, когда человек понимает, что прошлое нельзя изменить, но можно назвать по имени.

— Тогда нам нужен дневник, — сказала она. — Или письма. Что-то, где эти даты упоминаются.

— У дяди был сейф, — сказал Марк. — В кабинете. Он никогда не говорил, что там. Но ключ… — он задумался. — Ключ был у экономки. Той самой, что жила во флигеле.

— И где он теперь?

— Не знаю, — признался Марк. — Но я знаю, где она хранила свои вещи. В комнате на втором этаже. Там до сих пор стоит её шкаф.

Кира улыбнулась — не радостно, а так, как улыбается человек, который наконец-то нашёл первую нитку в запутанном клубке.

— Тогда идём искать, — сказала она.

Они поднялись по лестнице. Дом скрипел под их шагами, но теперь эти звуки не пугали — они звучали как голос, который просто напоминал, что он здесь, что он помнит.

Комната экономки была маленькой, с низким потолком и окном, выходящим на задний двор. Шкаф стоял у стены, старый, потемневший от времени. Марк открыл дверцы — внутри пахло лавандой и бумагой. На верхней полке лежала жестяная коробка с выцветшим узором.

Марк взял её, открыл. Внутри — стопка писем, квитанций, фотографий. И на самом дне — маленький ключ на потрёпанной ленте.

— Вот он, — прошептал Марк.

Кира взяла ключ, повертела в пальцах. Он был холодным и тяжёлым, как обещание, которое нельзя нарушить.

— Теперь мы можем открыть сейф, — сказала она. — И узнать, что дядя хотел спрятать. Или что хотел оставить.

Марк посмотрел на неё. В его взгляде было что-то новое — не только боль, но и благодарность.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что вы не боитесь этого.

— Я боюсь, — честно призналась Кира. — Просто мой страх умеет ходить рядом с любопытством. И сегодня любопытство победило.

Он усмехнулся — коротко, но искренне.

— Тогда давайте посмотрим, что оставил нам дядя. И что он хотел, чтобы мы нашли.

Они спустились в кабинет. Сейф стоял за книжным шкафом, скрытый от посторонних глаз. Марк вставил ключ. Замок щёлкнул — сухо, окончательно, как будто дом вздохнул и наконец-то разрешил им заглянуть внутрь.

Внутри было не золото и не деньги. Там лежали старые фотографии, пачка писем в конвертах и тонкая тетрадь с потёртой обложкой. На первой странице — аккуратный почерк дяди: «Для Марка. Если ты читаешь это — значит, ты нашёл то, что я хотел тебе оставить».

Марк сел на пол, прислонившись к шкафу. Кира села рядом. И они начали читать — не торопясь, не перебивая друг друга, как люди, которые наконец-то нашли то, что искали, и теперь боятся спугнуть этот момент.

Глава 5. Пропажа и записка

Кира проснулась от ощущения, что чего-то не хватает. Не от холода, не от шума — от этой странной пустоты, которая появляется, когда привычный предмет исчезает с привычного места. Она села на кровати, посмотрела на стол у окна. Папка с эскизами лежала там, где она её оставила: аккуратная стопка бумаги, прижатая тяжёлым янтарным пресс-папье. Но одного листа не было. Того самого — с детальной прорисовкой центрального сегмента, где сходились все ключевые даты.

Она встала, подошла, перебрала листы. Пальцы дрогнули, но она заставила себя дышать ровно. Пропажи в работе бывают: ветер, сквозняк, неловкое движение. Но в этом доме сквозняков не было — дом был слишком тяжёлым, слишком плотным, чтобы пускать внутрь ветер.

Кира оделась быстро, без суеты, как человек, который знает: если дать себе время на страх, страх успеет стать главным. В основном доме было тихо. Марк стоял у камина, держал

в руках тетрадь из сейфа — ту самую, с надписью «Для Марка». Он не читал — просто смотрел на обложку, будто пытался вспомнить, как выглядит почерк дяди, когда тот писал что-то важное.

— Доброе утро, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал обычно. — У меня пропал эскиз. Тот, с центральным сегментом.

Марк поднял глаза. В них не было раздражения, не было недоверия — только мгновенная, острая сосредоточенность.

— Когда ты его видела в последний раз?

— Вчера вечером. Я положила его сверху, чтобы утром начать с него. Пресс-папье было на месте. А сегодня — лист исчез, а пресс-папье лежит ровно. Никто не торопился. Никто не ронял. Просто… убрали.

Он медленно закрыл тетрадь, положил её на каминную полку.

— Ты думаешь, я его взял? — спросил он спокойно. Без обиды, просто как факт, который нужно проверить.

Кира посмотрела на него — прямо, без уклончивости.

— Я думаю, что в этом доме есть кто-то ещё, — сказала она. — Или что-то. Но если ты спросишь, доверяю ли я тебе — да. Доверяю.

Он чуть наклонил голову, будто взвешивал её слова, и они оказались достаточно тяжёлыми, чтобы их принять.

— Спасибо, — произнёс он тихо. — Это сейчас важнее, чем кажется.

Они начали искать. Не хаотично, не в панике — методично, как реставраторы ищут утраченный фрагмент: сначала очевидное, потом скрытое. В мастерской, в гостиной, в прихожей, под козлами, за шторами, в мусорном ведре. Кира проверяла каждый угол, каждую тень, каждую щель между досками пола. Марк не командовал — он просто был рядом, закрывал за ней двери, чтобы сквозняк не унёс другой лист, поднимал тяжёлые коробки, которые она не могла сдвинуть одна.

И когда они закончили, стало ясно: листа нет.

Кира села на пол, прислонилась спиной к стене. Руки у неё были в янтарной пыли, под ногтями — тонкая чёрная крошка от свинцовых прожилок. Она смотрела на свои пальцы, будто пыталась найти в этой пыли ответ.

— Кто-то знал, что это важно, — сказала она. — Не просто взял, чтобы пошутить. Убрал, чтобы мы не могли прочитать центральный сегмент.

Марк сел напротив, на корточки, так, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Или чтобы мы пошли искать, — добавил он. — И вышли на того, кто это сделал.

В этот момент в прихожей что-то щёлкнуло. Звук был тихий, почти незаметный — как будто кто-то отпустил дверную ручку. Они оба замерли, потом одновременно поднялись и вышли в коридор.

На коврике у двери лежал конверт. Обычный, из коричневой бумаги, без марки, без адреса. Только имя: «Кире».

Кира подняла его. Пальцы чуть дрогнули — не от страха, а от того, как странно было видеть своё имя, написанное от руки в этом чужом, тяжёлом доме. Она надорвала клапан, достала сложенный вчетверо листок. На нём — неровный, крупный почерк, будто писали в спешке или дрожащей рукой:

«Не читай витраж целиком. Читай только нечётные ряды. Остальное — ловушка. Если пойдёшь дальше — узнаешь то, что нельзя знать. Прости, что пугаю. Твой друг Богдан».

Кира подняла глаза на Марка.

— Богдан — это сосед, — сказал Марк, будто сам себе напоминая. — Старик, который живёт через три участка. Он знал дядю. Говорил, что дом «помнит слишком много». Я думал, он просто любит страшные истории.

— А теперь?

— Теперь думаю, что он знает больше, чем говорил.

Кира сложила записку, сунула в карман. Потом посмотрела на Марка — не как на заказчика, не как на человека, который платит ей за работу, а как на того, с кем ей придётся идти дальше.

— Мы идём к нему, — сказала она. — Сейчас.

— Без плана? — спросил Марк.

— У меня есть план, — ответила Кира. — Я задам ему один вопрос: «Почему именно нечётные ряды?» Если он ответит — значит, он знает шифр. Если нет — значит, он боится того, кто знает.

Дорога к дому Богдана шла через сад, потом через заросшую тропу, мимо старого колодца, мимо поваленного дерева, которое лежало поперёк тропинки, как шлагбаум. Дом Богдана был маленьким, приземистым, будто хотел спрятаться среди кустов. На крыльце висели пучки сухих трав, на подоконниках стояли банки с вареньем, а на двери — медная табличка с выцветшей надписью: «Стучите, если не боитесь тишины».

Марк постучал. Дверь открылась не сразу — сначала щёлкнул замок, потом скрипнула петля, и на пороге появился Богдан. Он был невысоким, сутулым, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. В руках он держал тряпку, будто только что вытирал пыль с чего-то важного.

— Знаю, что придёте, — сказал он, не удивляясь. — Видел, как вы по саду шли. Дом не любит, когда в нём ищут.

— Вы оставили записку, — сказала Кира. — Про нечётные ряды. Почему?

Богдан посмотрел на неё долго, будто пытался разглядеть в её лице что-то знакомое. Потом перевёл взгляд на Марка.

— Потому что чётные — это ложь, — сказал он тихо. — Их добавили позже, чтобы сбить с толку. Дядя ваш, — он кивнул на Марка, — знал. Он сам просил меня следить, чтобы никто не читал чётные. А теперь его нет, и следить некому.

— Кто добавил? — спросил Марк. — Кто хотел сбить с толку?

Богдан помолчал. Его пальцы сжали тряпку так, что костяшки побелели.

— Тот, кто хотел, чтобы витраж никогда не рассказал правду, — ответил он. — Тот, кому правда была опаснее любой тайны.

Кира сделала шаг вперёд.

— И что в чётных рядах? — спросила она. — Что там спрятано?

— Не «что», — поправил Богдан. — «Кто». Там имена. Имена тех, кто должен был исчезнуть из этой истории. Тех, кого пытались вычеркнуть.

Марк побледнел.

— Чьи имена? — спросил он.

Богдан посмотрел ему прямо в глаза.

— Твоё имя там тоже есть, — сказал он. — В одном из чётных рядов. И имя Ады. И ещё одно — то, которое никто не произносил тринадцать лет.

Кира почувствовала, как холод пробежал по спине. Она посмотрела на Марка. Он стоял неподвижно, будто слова Богдана были камнями, которые падали ему на плечи, и он боялся пошевелиться, чтобы не рассыпаться.

— Почему вы не сказали раньше? — спросила Кира.

— Потому что боялся, — честно признался Богдан. — Боялся, что если скажу, вы пойдёте туда, куда нельзя. А теперь вижу: вы уже там. И повернуть назад нельзя.

Марк сделал шаг вперёд. Его голос был тихим, но твёрдым:

— Скажите, где искать подтверждение. Где ещё есть следы этого шифра?

Богдан вздохнул, будто сбрасывая с плеч что-то тяжёлое.

— В подвале, — сказал он. — Под лестницей, за старой решёткой. Там лежит вторая панель. Её сняли ещё при деде. Я думал, её давно сожгли. Но если дом её хранит — значит, она ждёт своего часа.

Кира и Марк переглянулись. В этом взгляде не было слов — только понимание: они стоят на пороге чего-то, что изменит всё.

— Ведите, — сказал Марк.

Богдан кивнул. Он вышел на крыльцо, запер дверь на ключ, будто боялся, что кто-то войдёт в его дом, пока его нет. И повёл их по узкой тропинке, мимо колодца, мимо поваленного дерева — туда, где земля уходила вниз, к старым подвалам, которые помнили шаги тех, кто ходил по этому саду задолго до них.

Когда они подошли к решётке, Богдан достал из кармана ржавый ключ. Замок щёлкнул, решётка открылась со скрипом, будто не хотела выпускать то, что хранилось внутри.

Внутри было темно и холодно. Пахло сырой землёй и старым деревом. И в самом углу, накрытая мешковиной, стояла вторая панель — половина того самого витража.

Кира подошла, осторожно сняла мешковину. Янтарь тускло засветился в свете фонарика — не так ярко, как в гостиной, но всё равно будто помнил, что такое свет.

На обороте панели, прямо по свинцовым прожилкам, было выцарапано одно слово: «Ада».

Кира посмотрела на Марка. Его лицо было неподвижным, но в глазах было то, что она уже научилась узнавать: боль, которая наконец-то нашла своё имя.

— Теперь мы знаем, — тихо сказала она. — Мы знаем, кому адресовано письмо.

Марк кивнул. Он не сказал ни слова. Просто протянул руку и накрыл её ладонь своей — не крепко, не сжимающе, а просто чтобы почувствовать, что рядом есть кто-то живой.

— Пойдём домой, — сказал он. — Нам нужно всё это прочитать. Но не здесь. Не в темноте.

Они вышли из подвала. Дверь за ними закрылась, и решётка снова щёлкнула, будто дом поставил печать на то, что они теперь знают.

А на тропинке, там, где они только что стояли, лежал маленький кусочек янтаря — точно такой же, как те, что были в витраже. Кто-то бросил его здесь. Или оставил как предупреждение.

Кира подняла его, сжала в кулаке. Тёплый, тяжёлый, будто знал, что его снова нашли.

Глава 6. Над одной чашкой

Дождь начался внезапно — не с редких капель, а сразу стеной, будто небо решило смыть с сада все старые следы. Кира и Марк едва успели добежать до дома: она промокла до нитки, у него с волос стекали струйки, и он стряхивал их, как пёс после купания, но даже это не могло сбить с него его обычную собранность — сегодня она была другой, мягче, будто дождь смыл и часть его брони.

— Надо переодеться, — сказала Кира, стягивая мокрую куртку. — Иначе простужусь, и вы останетесь без реставратора.

Марк кивнул, но не ушёл сразу — задержался в прихожей, будто не хотел оставлять её одну даже на эти несколько минут.

— В шкафу на втором этаже есть сухие вещи, — сказал он. — Тёплый свитер, старые джинсы… Не знаю, подойдёт ли, но…

— Подойдёт, — улыбнулась Кира. — Главное, чтобы было сухо.

Она поднялась наверх, нашла свитер — тяжёлый, шерстяной, пахнущий домом: не пылью, а чем-то спокойным, устоявшимся. Надела, села на край кровати, чтобы зашнуровать сухие ботинки, и вдруг поняла, что впервые за эти дни ей не хочется сразу бежать к витражу.

Ей хотелось просто посидеть, дать себе минуту, когда не нужно ничего расшифровывать, не нужно быть внимательной до хруста в висках.

Когда она спустилась, Марк уже разжёг камин. Пламя трепетало, отбрасывало на стены живые тени, и дом, который всегда казался Кире слишком большим и слишком тихим, вдруг стал просто домом — тёплым, живым, дышащим.

На низком столике у камина стояли две чашки, сахарница, тарелка с печеньем, которое, судя по виду, пекли не в магазине, а на кухне — с корицей и изюмом.

— Это вы? — спросила Кира, кивнув на печенье.

— Нет, — усмехнулся Марк. — Это экономка оставила. Ещё до отъезда. Но я разогрел духовку и… в общем, оно стало чуть мягче.

Кира рассмеялась — тихо, но искренне, и этот смех прозвучал в комнате как что-то редкое, почти забытое.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что вы не стали говорить «ничего страшного» про дождь. И за то, что разожгли камин.

Он сел напротив, на низкий пуф, подтянул колени, будто пытался уместиться в этом тепле целиком.

— Я редко это делаю, — признался он. — Разжигать камин. После… после того, как всё случилось, казалось, что огонь — это слишком много жизни для этого дома. Слишком ярко. Слишком громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.